

МЫСЛЯЩИЕ ПОЛИТИКИ и практикующие эксперты

В середине января в Москве прошел 5-й Гайдаровский Форум. Теперь Форум – авторитетная мировая экономическая конференция, посвященная памяти Е.Т. Гайдара и организуемая его соратниками, Академией народного хозяйства и Государственной службой при Президенте РФ, Институтом Гайдара и Фондом Егора Гайдара.

Форум собрал блестящий состав участников и беспрецедентную прессу.

«Гайдаровский Форум за пять лет его существования сумел стать превосходной площадкой для дискуссий экспертного сообщества и правительства», – таково общее мнение почти всех экспертов.

Хотя – и не без того, конечно, чтобы (за пределами Форума) несколько неутомимых ненавистников Гайдара и «гайдаризма» не отработали свои номера с ритуальными проклятиями.

Гайдаровский Форум-2014 продемонстрировал, что политическое руководство страны признало внутренний характер проблемы замедления темпов экономического роста. Поэтому нынешний Форум воспринимался как некий «мозговой штурм» при обсуждении модели экономического роста, хотя бы на среднесрочную перспективу.

Похоже, что правительство и экспертное сообщество достигли консенсуса по вопросу улучшения делового климата в России, с тем чтобы именно малый и средний бизнес могут стать «драйвером экономического роста, а не надеяться на повышение спроса за счет нефтедолларов». Но кроме правительства и экспертов есть еще многое, что должно заработать в унисон.

Первый день 5-го Гайдаровского Форума был посвящен теме «Контурь посткризисного мира». Начался он дискуссией с парадоксальным названием «Устойчивое развитие в период нестабильности».

Обсуждались варианты государственной экономической политика в условиях нестабильности; структурные и стабилизационные меры экономической политики; будущее мировых резервных валют; обновление мировой финансовой архитектуры.

Модератор дискуссии — *Сергей Синельников-Мурылев*, ректор Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, научный руководитель Института Гайдара.

* * *

Тональность дискуссии задал министр экономического развития *Алексей Улюкаев*, заявивший, что Россия сейчас находится «в противофазе с мировым экономическим ростом»: мировой рост составляет 3,5%, в России в 2013, 2014, 2015 гг. и, возможно, в последующие годы — в лучшем случае 2%. Однако, по мнению А. Улюкаева, наблюдаемые сейчас явления — это не кризис, а переход с одной модели экономического развития на другую, для которой будут характерны более низкие темпы роста и преодоление сложившихся дисбалансов.

Устойчивость и развитие, отметил министр, — «это две стороны одной медали». Средствами для их поддержания являются создание качественных институтов, комфортной среды для предпринимательства, снятие ограничений — не по спросу, а по предложению.

* * *

Министр финансов *Антон Силуанов* сообщил, что дефицит федерального бюджета по итогам 2013 г. составил 0,5% ВВП, при том, что планировали недополучить 0,8% ВВП. Основной задачей Министерства финансов он считает сокращение нефтегазового дефицита до уровня 5-6%, (по итогам 2012 г. этот показатель составил 10,2% против запланированных 9,7%). «Излишний оптимизм при планировании доходов привел к тому, что по мере исполнения бюджета пришлось направлять нефтегазовые доходы на восполнение выпадающих нефтегазовых доходов. Консерватизм при планировании — один из основных выводов по итогам 2013 года», — сказал Силуанов.

А. Силуанов (вслед за А. Кудриным, не устающим указывать на необходимость и неизбежность повышения пенсионного возраста) заявил, что без решения вопроса о повышении возраста выхода на пенсию балансировка пенсионной системы невозможна.

* * *

Первый заместитель председателя Банка России *Ксения Юдаева* считает, что российская экономика исчерпала возможности восстановительного роста и уже в прошлом году столкнулась с явлением стагфляции. «В целом в круге стран с развивающейся экономикой, в том числе и в России, можно говорить о такой проблеме, как стагфляция, то есть о замедлении экономического роста, который сопровождается всплеском инфляции. Мы видим такое в России, мы видим такое в ряде стран, например в Бразилии». По ее словам, эта проблема является одним из вызовов прошлого года. Необходимо сделать соответствующие выводы и «строить стратегию развития, исходя из этого вызова».

* * *

Президент — председатель правления Сбербанка России *Герман Греф* подверг критику работу правительства России. По его словам, неясно, какие задачи ставит правительство РФ на 2014 год. «Я зашел на сайт правительства, но не нашел там шагов на 2014 год, потом зашел на сайт открытого правительства, но и там ничего. Но вместе с тем есть цифры на 2018 год».

Впрочем, Греф заявил, что не стоит поддаваться унынию, а нужно просто работать. Он дал рекомендации гражданам и малому бизнесу по поводу валют,

в которых стоит хранить свои сбережения, и представил результаты исследования экспертов Сбербанка по 33-м странам мира. Исследовалось состояние экономики стран и их устойчивость. В первую тройку лидеров попали Швейцария, Норвегия и Швеция. «Сохранение сбережений в валютах этих стран, с точки зрения устойчивости, наиболее безопасно, поэтому мы не отнесли евро в рекомендуемый набор валют». Доллар США эксперты Сбербанка поставили на 9-е место. Учитывалась и ликвидность валют этих стран — максимум у швейцарского франка: Греф отметил, что ежедневно в мире обращается эквивалент около \$80 млрд в этой валюте. Этой ликвидности достаточно для большинства представителей МСБ.

Российский рубль в рейтинге оказался на 11-м месте. «Это очень неплохое место, — сказал Греф. — Зона евро весьма разнородна, поэтому мы не отнесли евро в рекомендуемый набор валют».

Глубокомысленные предложения Сбербанка оживили аудиторию.

«КОНТУРЫ ПОСТКРИЗИСНОГО МИРА»

(По стенограмме пленарной дискуссии)

Владимир Мау, ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации:

...Особенность нашего Форума состоит в том, что форум этот не инвестиционный и не политический, это **Форум экспертов, которые становятся политиками, и политиков, которые любят думать**. Я бы так сказал: **мыслящие политики и практикующие эксперты**. Собственно, это основной месседж, основная идея этого Форума.

Мы хотим обсудить контуры мира, который будет возникать после этого системного кризиса. Год назад, обсуждая ситуацию, мы говорили, что мир проходит через системный кризис, через структурный кризис, который по своей глубине в чем-то аналогичен кризисам 30-х и 70-х годов XX века.

Из этого кризиса мир выходит с другим видением глобальных тенденций, с новыми конфигурациями резервных валют, с новой экономической доктриной, с новыми инструментами, с новыми механизмами регулирования, новой индустриальной парадигмой.

Я бы использовал такое сравнение: **экватор кризиса пройден**.

В общем, и экономисты, и политики гораздо лучше понимают ситуацию, чем это было в 2008, 2009 и даже 2010 гг., но сейчас перед нами стоит несколько

загадочных проблем, на которые предстоит ответить. Отчасти мы сможем ответить на эти проблемы. Среди них — будущее социального государства, потому что понятно, что то социальное государство, которое возникло в начале XX века в других демографических ситуациях, теперь, в современном развитом мире, включая Россию, неэффективно.

Это вопрос о том, будет ли новая модель роста демонстрировать те же высокие темпы, которые были в предыдущие 20 лет — в 1990-е и 2000-е годы.

Это одна из интереснейших дискуссий — являются ли те темпы роста, которые были в предыдущие 20 лет, нормальными или мир выходит в другую парадигму, где темпы развитых стран, а также и темпы развивающихся стран (emerging markets) будут ниже, чем это было в предыдущие 20 лет.

Это и вопрос о том, как удастся выйти из той ситуации с денежными политиками, когда балансы ведущих центробанков и двух основных резервных валют получили такой денежный прилив, которого не знает история.

Самое интересное в кризисах (и самое болезненное) — это те возникающие ситуации, которые не имеют исторических прецедентов. Такого увеличения балансов центробанков без инфляционного эффекта история не знала никогда.

Что это значит? Это выход в новую парадигму, или за это придется платить? Чем — инфляцией или ростом? Это тоже вопрос, на который еще только предстоит дать ответ, какая денежная политика будет в этой ситуации.

Это и вопрос новой модели регулирования. Но опять же: после кризиса 1930-х годов мир вышел с дирижистской моделью, с резко возросшим уровнем бюджетной нагрузки на экономику, а после 1970-х — с моделью дерегулирования.

Что будет сейчас? В какой мере на вызовы финансовой глобализации удастся ответить возможностями международного финансового регулирования? Стоит ли этот вопрос на повестке? В какой мере он будет стоять или отражаться в решениях стран?

В общем, мне кажется, что это тот круг вопросов, на которые пришла пора ответить, на которые очевидных ответов нет, но на которые уже можно отвечать.

В общем, у нас такая уникальная панель экспертов.

Я коротко представляю их.

Это *Марио Монти* — профессор экономики, еврокомиссар и председатель Совета министров Италии (2011–2013 гг.).

Это *Анхель Гурриа* — генеральный секретарь ОЭСР. Мы только что провели дискуссию по представлению доклада ОЭСР, и надо сказать, что выводы ОЭСР гораздо более оптимистичны, нежели выводы большинства российских экономистов как правого, так и левого направления.

Вацлав Клаус, который в течение 10 лет был президентом Чехии, известный экономист — еще один пример, когда видный экономист становится политиком.

Рэйчел Кэйт, вице-президент Всемирного банка, занимающегося устойчивым развитием.

Джеффри Сакс, имя которого в какой-то мере стало нарицательным в нашей стране, но который совершенно не соответствует (вы, я думаю, это увидите) тому облику и тому представлению... Есть мифический Джеффри Сакс, о котором можно почитать в газетах, особенно левого толка и есть реальный Джеффри Сакс, которого вы узнаете.

Яков Френкель — человек, который 10 лет руководил центральным банком Израиля, собственно, обеспечил в значительной мере стабильность израильской экономики благодаря тем стабилизационным мероприятиям, которые до него и при нем проводились. В настоящее время является президентом J. P. Morgan International. Такая панель.

Наверное, участникам панели я буду задавать определенные вопросы. Впрочем, хочу сразу сказать, что это их право — отвечать на эти вопросы или не отвечать. Я надеюсь, что у нас будет интересная, увлекательная дискуссия, которая в ближайшее время получит свое продолжение.

Да, еще. Характеризуя участников сессии, хочу сказать, что у нас собрались люди (мы не специально это придумали) с парадоксальными взглядами, и вы это тоже увидите.

Д.А. Медведев, Председатель Правительства Российской Федерации:

Мир переживает очередной этап «созидательного разрушения»

...За время своего существования Форум уже заслужил репутацию достаточно авторитетной площадки. У многих ведущих экономистов, представителей деловых кругов, международных организаций даже сложилась неплохая традиция — начинать год здесь, в Москве, на Гайдаровском Форуме.

...Большинство стран, которые пострадали от глобального кризиса, находятся в стадии разрешения своих экономических проблем. Усилия по оздоровлению финансовых систем, развитию мировой торгов-

ли, поддержанию инвестиционной активности все же приносят определенные результаты. Это, кстати, видно даже и по тому, как менялась повестка дня дискуссии на Гайдаровском Форуме в последние годы.

Если раньше (после 2008 г., конечно) в основном обсуждались меры по реанимации мировой экономики, то сегодня мы говорим о поиске точек устойчивого роста.

Однако эта позитивная динамика — и не только в повестке дня Форума, но и в развитии мировой экономики — не отменяет всей сложности стоящих перед нами задач по выходу на траекторию роста.

Готовых рецептов, конечно, нет ни у одного правительства, ни в одной стране. Нет той универсальной модели или универсального лекала, с помощью которого можно было бы нарисовать контуры посткризисного мира и динамичного развития. Но, как только что говорил господин Мау, именно в периоды кризисов формируются новые возможности для экономического роста, меняются традиционные направления мировой торговли, сложившиеся, в том числе не всегда справедливые, геополитические и геоэкономические балансы и появляются новые лидеры — лидеры роста, появляются новые технологии производства и целые отрасли.

В этом смысле можно согласиться с тем, что мир переживает очередной этап «созидательного разрушения», описанного еще Йозефом Шумпетером феномена, который создает предпосылки для последующего развития.

Не так давно (это было в прошлом году на нашем Сочинском форуме в сентябре) я сказал, что **время простых решений прошло**. Это действительно так. Перед всеми нами стоит очень серьезный интеллектуальный вызов, и от нашего ответа зависит то, каким будет посткризисное развитие, зависит и то, какую роль и какое место получит наша страна, Россия, в глобальном мире.

На фоне глобального кризиса ситуация в России — по формальным, подчеркиваю, признакам — выглядит достаточно стабильной, о чем, в общем всегда говорят. **Экономика** растет, конечно, невысокими темпами, но **все же как-то растет**. Бюджет сегодня сбалансирован, государственный долг и безработица — невелики, инфляция (имея в виду наши подходы к этому вопросу) находится под контролем.

Однако, и это тоже всем абсолютно понятно, динамика нашего развития не может не вызывать озабоченность. Напомню, что если в 2010–2012 гг. средние ежеквартальные темпы роста составляли почти

4,5%, то во II и III кварталах прошлого года только 1,2%, и это при том, что среднегодовые цены на нефть остаются вблизи своих исторических максимумов. Конечно, здесь есть и внешние причины, к примеру, рецессия у нашего основного торгового партнера — Европейского Союза, но не это главное.

Наблюдаемое сейчас торможение российской экономики обусловлено прежде всего внутренними проблемами нашего развития, теми структурными и институциональными ограничениями, которые не дают нам выйти на принципиально новый уровень развития.

С одной стороны, мы, конечно, уже достигли довольно высокого, по российским меркам, уровня благосостояния, а с другой — мы постепенно приближаемся к ограничениям по цене рабочей силы, она уже достаточно высока. В то же время ограничения существуют и по институтам, которые еще недостаточно хорошо развиты.

Это может привести нас к проблемам конкуренции как с развитыми экономиками, которые обладают высококвалифицированной рабочей силой и экспортируют технологические инновации, так и с экономиками с низкими доходами, низким уровнем заработной платы и дешевым производством промышленных товаров. Это то, что вслед за Барри Эйхенгрином называют **«ловушкой среднего уровня доходов»** — когда при достижении определенного уровня валового внутреннего продукта происходит определенное «зависание» темпов экономического роста.

Хотел бы также отметить, что **наши сегодняшние проблемы, на мой взгляд, не являются результатом ошибок прошлого.** Во всяком случае, их было не так много. Напротив, это скорее следствие довольно успешной реализации экономической политики в последние 10–12 лет, которая и позволила нашей стране совершить рывок вперед, подняться на качественную ступень, именно на которой мы и сталкиваемся с совершенно другими по своей природе и масштабу вызовами — кстати, по сравнению с теми, которые стояли перед нашей страной еще 10–15 лет назад и о которых в начале предыдущего десятилетия говорил Егор Гайдар.

А говорил он буквально следующее: *«То, что мы делали в начале 1990-х гг., было исключительно болезненно в социальном отношении и рискованно политически, но интеллектуально несложно. А то, что должно делать правительство в настоящее время, — реформы здравоохранения, пенсионной системы, качественное обновление системы право-*

вой охраны, защиты прав собственности — все это требует и тщательной проработки, поскольку здесь не может быть универсальных рецептов».

Для того чтобы справиться со всеми этими новыми вызовами, необходимо серьезное обновление большинства сложившихся институтов и процедур — и формальных, а зачастую и неформальных, — в рамках которых существуют и работают государство, бизнес, социальные структуры, граждане, все гражданское общество нашей страны. Это не просто теоретические размышления, это в современных условиях, по сути, веление времени.

Сегодня **наша самая важная задача может быть выражена одним словом — словом «качество».** Это и качество труда, и качество товаров, и качество продуктов и проектов, которые предлагаются для инвестирования, и, конечно, качество управленческих решений — в конечном счете все, что формирует качество нашей жизни.

Теперь несколько слов о тех направлениях, по которым правительство собирается эти задачи решать.

Первое, о чем мне хотелось бы сказать, — это **повышение качества труда и обеспечение профессионального роста.**

Это необходимое условие решения задачи по созданию до 2020 года 25 млн высокопроизводительных рабочих мест. Впервые об этом было сказано, напомню, Президентом России. **Из страны дорогого, но зачастую некачественного и неэффективного труда мы должны стать страной высокого коэффициента полезного действия.**

В этом смысле нам нужно обеспечить и гибкость рынка труда и трудового законодательства, повысить мобильность и качество трудовых ресурсов.

На Сочинском форуме, о котором я уже упоминал, я как-то сказал, что мы не должны искусственно поддерживать занятость, поддерживать занятость любой ценой. Это тогда вызвало определенную критику, даже волну критики.

Тем не менее я считаю, что это правильно. При этом хотел бы отметить еще раз то, о чем говорил тогда: конечно, надо минимизировать социальные и политические риски высвобождения работников, а они есть, но сегодня они значительно ниже, чем несколько лет назад. Почему?

Во-первых, масштаб возможных высвобождений не такой большой, как 20 или даже 10 лет назад.

Во-вторых, сейчас на пенсию выходит многочисленное поколение 1950-х гг., а свои первые записи в трудовых биографиях делают представители

поколения 1990-х, когда, собственно, в нашей стране и начал наблюдаться демографический спад. Таким образом, **доля экономически активного населения, к сожалению, постепенно сокращается, и эта тенденция, вероятно, сохранится и в ближайшие годы.** В этих условиях, **скорее, будет не хватать квалифицированных сотрудников, работников, чем рабочих мест.**

Государство должно стимулировать переход работников на те предприятия, которые нуждаются в рабочих руках и могут найти им наилучшее применение, помогать в открытии собственного дела, способствовать переобучению работников, получению ими новых и востребованных знаний. Иными словами, **мы должны будем помогать тем, кто готов меняться, готов идти по пути повышения и эффективности, и качества своего труда, идти по пути модернизации.** Это будет помощь и работникам, и работодателям, которые обеспечивают рост производства. Мы, кстати, готовы брать на себя и довольно существенную часть затрат, связанных с высвобождением работников: я имею в виду переобучение, оплату переезда к новым местам работы и необходимую адаптацию.

То есть в первую очередь мы здесь будем помогать самим людям, тем более что повышение такой мобильности — это важнейший ресурс экономического роста.

Еще несколько десятилетий назад промышленность развитых государств уходила в страны с дешевой рабочей силой. Сегодня все чаще она возвращается назад, но уже не в виде традиционных производств. **Современная реиндустриализация — это появление принципиально новых технологий,** которые к тому же непрерывно развиваются, совершенствуются, и работа с ними требует высокой квалификации, качественной образовательной подготовки.

Во всем мире инвестиции в знания растут существенно быстрее, чем вложения в основные фонды. Это, кстати, неудивительно, потому что 90% всех открытий и информации, которыми располагает человечество, было сделано за последние 30 лет, а те же самые 90%, но уже ученых и инженеров, подготовленных за всю историю цивилизации, — это наши современники.

Динамика прогресса такова, что **принцип «одна жизнь — один диплом» очень быстро устареет...** К сожалению, в нашей стране те, кто постоянно обновляет свои профессиональные знания, занимается дополнительным образованием, пока находятся

в меньшинстве, поэтому мы намерены поддерживать расширение сферы непрерывного образования, причем, учитывая возрастную структуру нашего общества, особое внимание будет уделено людям среднего и старшего возрастов. К 2015 г. доля работников, которые прошли повышение квалификации, должна вырасти на 10% против того, что мы имеем сейчас, — где-то до 37%... В современном обществе сектор знаний — это такая «умная машина» по принятию решений, по разрешению различных проблем, причем не только технологических или управленческих, но и тех, от которых зависит продолжительность экономически активной жизни каждого человека.

...Мы, конечно, рассчитываем на развитие институтов непрерывного обучения, бизнес-школ, executive education, и, естественно, других возможных средств, и, конечно, на приход качественных управленцев в государственный сектор.

Принципиальное изменение предпринимательской среды, ее качества — это второе, на чем следовало бы сфокусироваться правительству.

Основная задача — сделать условия ведения бизнеса в России, или, как сейчас модно говорить, **национальную российскую юрисдикцию комфортной и конкурентоспособной, снять инфраструктурные и институциональные ограничения для деловой активности, создать эффективную систему стимулов для инвестирования в реальный сектор, в инновационные проекты и в региональное развитие.** Мы этой работой занимаемся в расчете на то, что и российские инвесторы, и малый и средний бизнес к этому тоже будут подключаться.

...Приведу пример, который, на мой взгляд, является, может быть, наиболее красноречивым: срок подключения к электросетям для потребителей до 150 кВт сокращен до 180 дней, а его стоимость снижена более чем в 3 раза (совсем недавно эти цифры были совершенно тяжелые).

...Более простыми и прозрачными станут процедуры получения земельных участков под строительство и необходимых разрешений. В этом году будут снижены издержки бизнеса, связанные с предоставлением отчетности, до 40% увеличена доля закупок в электронной форме в общем объеме конкурентных закупок, срок государственной регистрации права собственности и кадастрового учета сократится до семи и пяти дней соответственно, а срок регистрации в государственных внебюджетных фондах для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей должен составить один день.<...>

Сейчас нам крайне нужны инвестиции, которые связаны с внедрением передовых технологий, современного менеджмента, созданием высокотехнологичных рабочих мест, о которых я уже сказал, с качественно иным уровнем использования ресурсов и производительности труда. Как известно, инвестор понимает, что идти нужно туда, где выгодно, удобно и безопасно работать.

И, как очень часто довольно цинично говорят, патриотизм заканчивается там, где начинается налоговая декларация. В этом смысле мы тоже чувствуем это и на своем опыте.

Критически важный для нашей страны момент в плане сокращения издержек отдельных компаний — это **создание современной транспортной и социальной инфраструктуры**. Речь идет о привлечении частных инвестиций в крупные проекты Сибири, Дальнего Востока, в жилищно-коммунальный сектор, в строительство, в инновации.

О развитии социального предпринимательства и государственно-частного партнерства в этой сфере много говорится, но в любом случае требуются стимулирующие меры, и такие меры должны быть созданы, в том числе за счет возврата части будущих федеральных налогов.

Что касается формирования территорий опережающего развития, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке, то для предпринимателей, которые будут вести здесь свой бизнес, будут созданы особые условия, я буду заниматься этим лично. В том числе установлены пятилетние налоговые каникулы по налогу на прибыль, по добыче полезных ископаемых, земельному и имущественному налогам, а также пониженные ставки страховых взносов.

Одна из ожидаемых многими инвесторами инноваций в этой сфере, которая, как мы рассчитываем, тоже будет приносить пользу, — это механизм отсроченных платежей, так называемый TIF, когда реализация проекта начинается без первоначальных вложений со стороны государства и затраты инвесторов возмещаются за счет налоговых поступлений от реализации инвестиционного проекта в целом.

Еще один наболевший для бизнеса и граждан вопрос (он напрямую влияет на качество бизнес-среды) — это обеспечение более эффективной работы инфраструктурных монополистов. Вы знаете, мы тарифы заморозили, в самых ближайших планах — внедрение системы общественного контроля за издержками инфраструктурных монополий, процедур ценового и технологического аудита, раскрытие ин-

формации о закупках и обсуждение их инвестиционных программ. Этим тоже стали заниматься гораздо более активно, чем это делалось в последние 15–20 лет.

Нас часто упрекают в коротком горизонте планирования, критикуют за постоянные изменения в правовом регулировании предпринимательской деятельности. Это отчасти справедливо, но не до конца.

Я напомним, что за прошедшие полтора года утверждены Основные направления деятельности правительства до 2018 года, ряд долгосрочных стратегий, 39 государственных программ.

Конечно, эти инструменты нуждаются в доводке, но это все-таки довольно ясные ориентиры для инвесторов, позволяющие планировать долгосрочные капитальные вложения и привлекать длинные кредитные ресурсы, создавать дополнительные рабочие места, тем самым формировать реальные точки устойчивого экономического роста.

В последние годы российское законодательство было существенно модернизировано, в том числе в связи с тем, что мы приводим его в соответствие с требованиями ВТО, гармонизируем его правовую базу с нашими белорусскими и казахстанскими партнерами в ходе формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства.

На очереди вступление в ОЭСР, поэтому мы и дальше продолжим совершенствование законодательства в области регулирования капитальных вложений, финансовых рынков, экологии, борьбы с коррупцией... Важно, чтобы эти новации улучшали деловой климат и **не создавали дополнительной административной нагрузки на бизнес**. Чтобы эти риски свести к минимуму, вводится **оценка регулирующего воздействия**.

...По большому счету речь идет об определенном *самоограничении власти* в определенных отраслях экономики, в сфере ЖКХ и социального обслуживания — там, где частный инвестор, там, где собственник по определению более эффективен и поэтому должен быть заинтересован в развитии своего бизнеса.

Что касается малых и средних предприятий. Наша задача — набор критической массы. В странах Евросоюза на долю небольшого бизнеса приходится до половины валового внутреннего продукта. У нас, к сожалению, пока цифры другие, у нас это около 20%, ну а в общей численности занятых — приблизительно четверть. Показатель занятости в секторе малого и среднего бизнеса других стран, в Европе, действительно составляет около 50%.

Многое зависит от эффективности государственной политики. Даже в условиях оптимизации государственных расходов мы продолжаем финансирование федеральных программ поддержки небольших компаний, предпринимателям предоставляются субсидии. В текущем году на это было предусмотрено более 21 млрд рублей. Предстоит также **реализовать решение (оно было озвучено в Послании) о двухлетних налоговых каникулах для вновь созданных предприятий в производственной, социальной и научной сферах.** Необходимые полномочия должны быть предоставлены субъектам нашей страны уже в этом году.

Более открытой для малого и среднего бизнеса должна стать система государственных закупок. С этого года мы внедряем закон о контрактной системе. Он, как известно, предусматривает **серьезные преференции для малых и средних предприятий**, имея в виду, что не менее 15% годового объема заказов должно быть отдано небольшим фирмам и социально ориентированным некоммерческим организациям, а для малых и средних предпринимателей в закупках инфраструктурных монополий эта доля должна быть еще значительнее.

Еще одно важное направление — **повышение доступности кредитных ресурсов для малого и среднего бизнеса...** Все эти шаги имеют конкретную цель — максимально упростить для бизнеса создание современных рабочих мест, создание новых продуктов и услуг и облегчить выход на новые технологические уровни.

Но, скажем прямо, одних правительственных усилий недостаточно. Власть только может создать необходимые условия и постараться их качественно внедрить, а вот как использовать открывающиеся возможности, зависит от всех нас, от каждого из нас — от тех, кто ведет собственное дело, от тех, кто работает на малых и средних предприятиях, в крупных компаниях, общественных организациях, в конечном счете зависит от нашего желания добиваться успеха собственным трудом.

Марио Монти (президент Университета Боккони, пожизненный сенатор, председатель Совета министров Италии в 2011–2013 гг.)

ЕВРОПА ПРЕОДОЛЕЛА КРИЗИС

В.Мау: *В начале 1990-х я открыл для себя своеобразный экономический или экономико-политический*

закон: если профессор экономики становится премьер-министром, дела в стране идут плохо. Потом я понял, что это работает и для Европы. Особенно это стало ясно, когда профессор Монти стал премьер-министром Италии. Марио, хотел спросить: как это было и как вы себя чувствуете? Много ли еще профессоров должны занять места премьер-министров и президентов в Европейском Союзе?

Кстати, в этой связи не могу не вспомнить цитату. Некоторое время назад я прочитал в «Экономисте» такую фразу: «Для того чтобы в Европе прошел кризис, необходимы немецкая экстравагантность, французские реформы и итальянская политическая зрелость». Как вы к этому относитесь?

Для меня большая честь участвовать в Гайдаровском Форуме, я прежде всего благодарен профессору Мау за то, что меня пригласили. Для меня особая честь вновь встретиться с премьер-министром господином Медведевым, с которым я прекрасно сотрудничал на двусторонней основе, я имею в виду Россия — Италия в рамках «восьмерки», в рамках «двадцатки». Также я сотрудничал и с президентом Путиным, когда я недолгое время находился в правительстве.

Немецкие, французские, итальянские плюсы или минусы, слабости или сильные стороны — это один из интересных аспектов, характеризующих Евросоюз.

Конечно, есть еще 25 стран, которые могли бы добавить кое-что к этой комбинации. Если вы спросите у итальянцев по поводу того, как они реагировали на итальянский финансовый кризис в конце 2011 г., то, наверное, они будут еще более откровенными, они, наверное, скажут: «В ноябре 2011 г. нам, похоже, дали немецкого премьер-министра» — скорее всего, так они скажут, и это совсем не обязательно будет означать комплимент.

Честно говоря, я считаю, что **в последние два года мы в Европе осознали необходимость добиться взаимопонимания в том, что касается нашей совместной деятельности и сотрудничества.**

По моему мнению, Еврозона сегодня в общем и целом преодолела кризис. Не все решено, но в большинстве проблемы разрешены. Также следует отметить, что никогда речь не шла о кризисе евро. Эта валюта все еще молодая, и за последние годы евро никогда не ставился под вопрос ни с точки зрения покупательной способности внутри Союза, ни в том, что касается обменного курса *vis-a-vis* основных валют мира. Хотя многие в Европе могут вам сказать, что евро — слишком сильная валюта, но речь шла о финансовом, банковском кризисе, который захлестнул

большое количество стран в рамках Еврозоны. Во всяком случае, в Италии этот кризис был очевиден. В ноябре 2011 г. Италия столкнулась с ситуацией, когда за предыдущие четыре месяца разница между процентной ставкой в Италии и в Германии увеличилась очень быстро: с двухсот базовых пунктов до шестисот базовых пунктов менее чем за четыре месяца. Это и привело к серьезным проблемам.

Неожиданно Италия превратилась в страну, на которую был обращен взор Европы, да и всего мира (и это чувствовалось, надо сказать), потому что после финансовых кризисов в Греции, Португалии, Ирландии и в какой-то степени в Испании все опасались, что и Италию ждет такая же участь, принимая во внимание системные проблемы в Европе.

Но этого не произошло. И благодаря коалиции, большой коалиции, благодаря политике фискальной дисциплины, благодаря структурным реформам, которые не так уж и отличаются от тех, которые столь подробно описал здесь премьер-министр России, — итак, благодаря всему этому мы смогли выйти из этой ситуации.

И, в общем-то, Италия на данный момент — единственная страна на юге Европы, которая вышла из финансового кризиса. При этом не было необходимости просить о финансовой помощи ни ЕС, ни МВФ. Италия также — единственная страна на юге Европы — плюс, единственная страна, которая вышла за рамки процедур ЕС, регулировавших финансовые процедуры. Почему я говорю «юг Европы плюс»? Это не только Испания, Греция, Португалия, которые все еще этим процедурам следуют, плюс еще Франция; еще одна страна — это Нидерланды, которая не находится на юге.

Нынешнее правительство Италии под руководством премьер-министра Летта активно проводит политику фискальной дисциплины и структурных реформ. Позвольте мне сказать, что Еврозона в своей системе управления в значительной степени отошла от предыдущей схемы; опять же реагируя на кризис и учитывая посткризисные контуры мира. Например, каждая страна сегодня должна представлять Евро-союзу проекты бюджетов на следующие годы еще до того, как этот проект поступает в национальный парламент.

Или, например, сейчас создается банковский союз, и речь идет об одном общем механизме банковского надзора. Он, конечно, несовершенен, но тем не менее. Добавим все те инновации, которые внедрил европейский ЦБ по мониторингу банковских

делок. Конечно же, все мы заплатили цену за это — всем тем, что касается краткосрочного спада, рецессии, высокой безработицы, особенно среди молодежи, в Италии, например, да и в других странах. За этим надо следить внимательно: в результате кризиса растет разочарование, растет недопонимание, растет конфликт между севером и югом Европы, а это очень опасно. Это требует серьезных усилий, направленных на обеспечение роста в условиях стабильности...

Я думаю, что мы должны в значительной степени следовать в рамках ОЭСР, полагаю, что тогда мы добьемся большего роста стабильности как на юге, так и на севере Европы. И это будет наш вклад.

Что касается юга, то, конечно же, мы должны и дальше проводить политику бюджетной дисциплины и структурных реформ. Не все страны целенаправленно следуют этому импульсу, а это очень важно, по моему мнению. Это означает также, что мы должны внедрить культуру социальной экономики, как в Германии, и в остальных странах Западной Европы. Но ведь и север должен сделать свой шаг навстречу, их экономика должна быть более готовой внести свой вклад с точки зрения экспансии.

Нынешний анализ, который был сделан в ЕС — а именно: анализ макроэкономики и ситуации в Германии — в том, что касается тех реалий, который там существуют, это серьезный шаг вперед. Но в отношении позиции Германии, позиции других северных стран — это то, что касается принятия общеевропейских решений... Здесь тоже надо продвигаться вперед, особенно в том, что касается более открытой позиции не по бюджетному дефициту в целом, а по производственным инвестициям в госсектор. Необходимо объяснять определенные заимствования, особенно если ставка на кредиты ниже, нежели ожидаемая отдача от реализуемых проектов. Это не является дисциплинированной политикой в области госфинансов и не является экономически оправданным подходом.

Полагаю, что если мы добьемся стабилизации роста (а здесь должны внести свой вклад как юг, так и север Европы), то в результате мы выйдем из ситуации спада, о котором говорил премьер-министр России. Мы преодолеем спад, который переживает ЕС и который не помогает никому, и российской экономике среди прочих.

Эти политическую комбинацию можно и нужно менять, развивать, отходить от социальных стереотипов, которые укоренились в наших странах.

Нельзя забывать, что наша европейская структура сложная, сильная, но довольно молодая, она была создана в результате трагического кризиса после Второй мировой войны. В течение многих десятилетий благодаря Евросоюзу мы смогли избежать проблем между Германией и Францией. Конфликты — всегда последствия кризиса, и я думаю, что кризис Евросоюза не является исключением из этого правила. Спасибо.

В.Мау: *Спасибо. Я хочу попросить выступить Анхеля Гурриа, генерального секретаря ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), организации, в которую Россия хочет вступить и с которой мы ведем интенсивные дискуссии.*

Сегодня утром была сессия по докладу ОЭСР, где доклад ОЭСР звучал гораздо оптимистичнее по отношению к России, чем высказывания многих российских экономистов.

А. Гурриа, *генеральный секретарь Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)*

КОНТУРЫ ПОСТКРИЗИСНОГО МИРА

Когда Марио Монти говорит: «следуйте примеру ОЭСР», — день хорошо начинается. День начинается хорошо тогда, когда премьер-министр говорит обо всех изменениях политики, всех тех изменениях, которые реализуются здесь. И я должен сказать в качестве комментария... Я представил наш доклад здесь, на форуме; мой комментарий к этому документу объясняет, почему у России кризис проходит лучше, чем в других странах мира. Конечно, кризис не закончился, Россия развивается, но тем не менее задачи стоят серьезные, мы их описываем в нашем обзоре, и эти задачи должны быть решены.

Позвольте мне сказать следующее: мы все еще живем в посткризисном пространстве. Я не буду говорить о контурах посткризисного времени, как будто бы речь идет об истории. К сожалению, мы все еще чувствуем на себе результаты кризиса. Я бы сказал так: кризис оставил нам довольно серьезное наследие, которое беспокоит нас, и сегодня мы должны решать эти проблемы.

Какой сейчас рост в мире? 1,7% по сравнению с более чем 4%. По цифрам ОЭСР, прошлогодний рост — 2,5%.

В этом году ситуация в Еврозоне лучше, США набирают обороты — это в какой-то степени неплохие

новости. Япония впервые выходит из дефляции после 15 лет; поборол дефляцию, но рост все еще достаточно скромный, и огромным бременем лежит задолженность — больше 200% по сравнению с ВВП.

Одно из наследий кризиса — низкий рост. Безработица — вторая проблема, которую мы унаследовали: до 8% в среднем в ОЭСР, 47 млн человек, и 16% в качестве среднего показателя среди молодежи. Во Франции каждый четвертый, в Италии каждый третий, в Греции и Испании — каждый второй молодой человек без работы.

Безработица в Еврозоне — 12%. И рост безработицы продолжается. Поэтому это не история, это не прошлое. В США безработица снижается, и это странно. Цифры говорят о том, что новых рабочих мест в последние месяцы было создано очень мало, тем не менее безработица падает, хотя все больше и больше людей ищут работу. Здесь есть определенный парадокс в том, что касается статистики. Но это означает, что мы в ОЭСР говорим о 12–13 млн новых безработных, которых мы получили в результате кризиса. Это серьезное бремя. Далее. Что еще мы унаследовали? Неравенство, растущее неравенство. И раньше, до кризиса, мы все это видели. Но ничто лучше кризиса не влияет на рост неравенства... И уровень неравенства в ОЭСР достиг девяти раз (10% самых богатых людей в сравнении с 10-ю процентами самых бедных). Много это или мало? Одно поколение назад показатель был — в 6-7 раз. А это означает, что показатель неравенства увеличился в течение одного поколения, за 35 лет, на одну треть, и это уже очень нехорошие новости. Показатель этот растет очень быстро. За три кризисных года — 2008, 2009, 2010 гг. — этот показатель вырос быстрее, нежели за предыдущие 12 лет. Это третья проблема, которую мы унаследовали, — медленный рост экономики, безработица, быстрый рост неравенства.

Важнейшая черта времени — утрата доверия к государству. Все, что мы построили — политики, премьеры, банковская система, президенты, транснациональные корпорации, конгрессы, парламенты, — так вот, ко всему этому люди утратили доверие.

Люди не верят теперь, что все эти структуры могут решать их проблемы. Растет цинизм в обществе: люди не считают, что традиционные институты, государственные структуры в состоянии решать их индивидуальные проблемы, а это в значительной степени затрудняет решение этих проблем и реализацию государственной политики. Это то, что мы унаследовали, это то, с чем мы должны считаться.

ЧЕТЫРЕ «ЦИЛИНДРА» ЭКОНОМИКИ

Сравним нынешнюю экономическую ситуацию с автомобильным рынком. Скажем, речь идет о европейской машине. Если бы речь шла об американской машине, тогда было бы восемь цилиндров, и она бы просто сжирала весь бензин, а мы говорим о четырехцилиндровом двигателе — европейский автомобиль более эффективный, экономичный. Но все четыре цилиндра работают лишь в половину своей мощности. Они не работают в полную мощь.

Какие же это «четыре цилиндра»? Инвестиции — примерно 2%, самые медленные за прошлые годы, отстают от тенденции, а инвестиции сегодня — это завтрашний рост. Так вот, инвестиции очень медленные. Торговля — это мировой двигатель. Рост 2–3%, еле-еле, теперь понемногу набирает обороты.

Но президент Путин на встрече «двадцатки» едва ли не выкручивал всем руки, используя свое умение дзюдоиста, чтобы убедить в том, что «двадцатка» не должна повернуть вспять, не должна вернуться к протекционизму. Он сделал это дважды: в Лос-Кабосе в Мексике, а затем повторил это, конечно же, в Санкт-Петербурге. Он сам, единолично, добился того, что «двадцатка» обещала четыре года, — не возвращаться к протекционизму. Мы говорим о продвижении вперед, об открытии рынков. Но мы даже не можем убедить людей в том, чтобы они замерли на месте! Парадокс, серьезный парадокс, в котором кроются проблемы. Это серьезный протекционизм, и это проблема.

Кроме того, кредиты — это еще один «цилиндр». Средний процент увеличения выдачи кредитов — плоская линия, то есть минус 3% в Европе, возможно, небольшой прирост выдачи кредитов в США, небольшой — в Японии, но на самом деле рост выдачи новых кредитов практически отсутствует. Почему нас это удивляет? Почему банки не дают кредиты? Это всех нас очень волнует. «Как же они не обанкротились», — вот о чем думаем в первую очередь. Для общества очень дорого обходится банкротство банков, крах банковской системы, потому что должен же кто-то давать в долг. Банки дают в долг, им нужно давать в долг, а если они не будут давать в долг, тогда кто? В ОЭСР дела с этим обстоят не очень.

Четвертый «цилиндр» нашего двигателя... Торговля, инвестиции, выдача кредитов и следующее... Кто же у нас раньше быстро рос? Китай, Индия, Бразилия, Южная Африка, Индонезия. Сейчас экономики всех этих стран серьезно замедлились. Китаю удалось стабилизировать ситуацию более-менее, но у

остальных все не так хорошо. Даже в Мексике мы наблюдаем значительное замедление темпов роста. Это наследие кризиса, это наши сегодняшние условия, в которых мы живем.

ЧТО ПРОИСХОДИТ ВОКРУГ РОССИИ

Премьер-министр Медведев говорил о том, что для такой страны, как Россия, становится все сложнее расти, потому что Россия встроена в глобальный контекст. Давайте посмотрим, что происходит вокруг России.

В нашем обзоре говорится: из-за того, что есть большое количество неопределенностей, и из-за того, что в России велика зависимость от энергоносителей и от продажи энергоносителей, российской экономике сложно расти. Что касается контуров посткризисного мира, мы надеемся, что ситуация в ближайшие годы улучшится, но остается большое количество неопределенностей. Возможно, США будут постепенно выходить из серьезной поляризации, политических дебатов по проблемам долга и бюджета.

«Абэномика» в Японии не сможет, возможно, справиться, это будет плохо.

Но какие меры будут приниматься в Китае? А в Евросоюзе? Вот где будут главные вызовы, с которыми мы можем столкнуться, и нам нужно понять, что же станет нормой в будущем, когда мы, наконец, по настоящему выйдем из кризиса.

Очень сложно будет принимать решения в области политики и стратегии. Чтобы поддержать темпы производства и роста экономики, нам нужно будет смотреть, когда будет усиливаться или ослабляться монетарная политика федеральной резервной системы и так далее. На все это станут оглядываться чаще и больше; те, у кого внешний долг высокий, будут страдать больше, будут более подвержены и уязвимы, а также более уязвимы те, у кого слабая банковская система.

В этом смысле у России дела обстоят неплохо, она, в общем-то, готова к новой стадии развития. Это будет очень конкурентная стадия развития мировой экономики. Будут потеряны многие рабочие места, сократится экспорт, благосостояние уменьшится — все придется отрезать, ампутировать, а потом надо будет наверстывать упущенное, поэтому каждой стране нужно лучше готовиться к этой новой гонке, которая последует за выходом из кризиса.

Позвольте в конце моего выступления сказать также о том, что господин премьер-министр Медведев

дев говорил о навыках, образовании. Это два разных аспекта. Мы посмотрели, как в России дела обстоят по методологии PISA. Россия улучшает свои показатели, но, что касается навыков, это уже относится к трудовому рынку, это отдельный элемент, он не связан с успеваемостью студентов. Этот компонент связан с тем, как работают взрослые выпускники, какая ситуация на рынке труда. Во многих странах ситуация на рынке труда обстоит не очень хорошо в связи с участием женщин на рынке труда, а также недостаточно принимаются во внимание соображения экологичности.

Мы идем по пути столкновения с природой, нам нужно изменить траекторию нашего развития, иначе мы столкнемся, и цена будет очень высокой. Не нужно идти против природы.

Таковы, на мой взгляд, контуры посткризисного мира. Нужно будет наверстывать упущенное, внедрять инновации, усердно работать и осторожно принимать решения.

В.Мау: *Спасибо большое. Я попрошу выступить Вацлава Клауса. Он, я бы сказал, один из крупнейших евроскептиков вне Великобритании.*

Вацлав Клаус (президент Чехии в 2003–2013 гг.)

«ЕВРОПА ЯВЛЯЕТСЯ ОЧЕНЬ НЕУДАЧНЫМ ПРИМЕРОМ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ»

... **С**пасибо за ваше приглашение посетить очень важную площадку — Гайдаровский Форум. Гайдар был моим хорошим другом, прекрасным экономистом и серьезным, выдающимся политиком.

Прежде всего: как связаны я и профессор Мау? Мы говорили в первой переписке об устойчивом развитии и о периоде нестабильности. Здесь есть проблема. Я не понимаю, что такое «устойчивое развитие». Это не нейтральный термин. Как его трактовать? Я думаю, что он недостаточно хорошо разработан. Идеологическая концепция его плоха, он не может быть серьезной основой для вдумчивых обсуждений.

Я думаю, что те, кто использует этот термин, действительно не хотят обсуждать, как вновь запустить мотор экономического роста, особенно в Европе, как увеличить темпы роста в развивающихся странах или как преодолеть бедность. Вот что действительно важно, а разговоры об устойчивом росте или развитии должны сводиться к тому, что нам необходимо убрать

ненужные барьеры, нам нужно отказаться от некоторых операционных концепций. Те, кто использует термин «устойчивое развитие», являются заложниками устаревших экономических доктрин, которые не дают расти нам так быстро, как надо.

В 1970-е гг. многие «зеленые» взяли этот термин на вооружение. Я думаю, что нам очень нужно прояснить, что же он значит и какие еще идеологически заряженные и мотивированные термины используются у нас. Нужно об этом подумать и отказаться от многих.

Я жил в централизованной, в плановой экономике Чехословакии, как и в СССР, я кое-что знаю о необходимых предпосылках и условиях экономического роста и развития. Они включают развитую рыночную экономику, минимальное вмешательство государства. Частная собственность, ее очень высокая доля — чем меньше субсидий, тем лучше. И, конечно, нужны институциональные и правовые рамки, надлежащие рамки.

Многие считают, что это всем известно, и все это по всему миру признают, а 20 лет назад, когда у нас были серьезные перемены, которые в Центральной и Восточной Европе серьезно повлияли на наше развитие (кстати, Гайдар пытался здесь сделать что-то похожее), мы думали, что это все уже стало историей. Нет-нет, по-прежнему мы обсуждаем всё те же темы и вопросы.

Когда я говорю «здесь обсуждаем», я имею в виду прежде всего Европу, потому что **Европа является очень неудачным примером организации экономической и политической системы.**

Вот говорили о социально-ориентированной рыночной экономике (это немецкий термин), но она стала препятствием и барьером для экономического роста. Все это напоминает нам плановую экономику времен социализма в Чехословакии, и нам нужно отходить от тех практик управления экономикой. Европейская экономика зарегулирована, она перегружена социальными и другими обязательствами, она демонстрирует протекционизм, и все это не дает экономике Европы расти.

Кроме этой неэффективной экономической и социальной системы, Евросоюз становится всё более и более забюрократизированным и централизованным образованием. Все стремятся перейти к еще более тесному союзу. Это является доказательством, что плановая экономика и плановое общество бесперспективно. Оно ослабляет одну из самых сильных европейских особенностей — это традиционно вы-

сокий уровень демократии. Мы должны остановить де-демократизацию Европы.

Что касается второй части названия данной дискуссии, **я не думаю, что нестабильность является надлежащим описанием того, что сейчас происходит в мировой экономике.**

Я не думаю, что есть какая-то особая нестабильность в отличие от обычной, просто есть дисгармония тенденций развития, новое распределение динамики роста и богатства. Во многих частях света, например в странах БРИКС или схожих с ними, нет серьезной нестабильности, они растут довольно быстро, что неразрывно связано со всеми проблемами, дисбалансами, несоответствиями быстрого роста и состоянием мировой экономики.

В некоторых частях света мы можем сказать, что имеет место нестабильность, например в Европе. Там нет экономического роста, там высок уровень долга. Однако мне кажется, что европейцев устраивает текущее положение вещей, они не готовы к серьезным переменам. Я считаю, что будущие выборы в Евросоюзе не изменят ситуацию сколь-нибудь серьезным образом. Политическая бюрократия в Евросоюзе сильна, а простым людям внимания уделяется все меньше. Возможно, эта тенденция продолжится и в будущем. Я согласен с господином Монти: кризис в Европе — это не кризис евро, это кризис, который был создан евро, таким обменным курсом и процентными ставками и едиными ставками, единой монетарной политикой для очень разношерстного континента.

Мы не должны забывать о развивающихся странах. Многие из них демонстрируют чудесные, невероятные темпы роста и снижения уровня бедности в последние десятилетия. Особенно это характерно для Азии.

Сегодня бедность остается в основном проблемой Африки, потому что этот континент наименее интегрирован в мировую экономику. Изменения там возможны, если бы там была увеличена роль рыночной экономики и снижена роль правительства. Слишком сильное вмешательство правительства порождает коррупцию, снижает продуктивность всех процессов и приводит к разворовыванию помощи в целях развития.

Второй день Гайдаровского Форума-2014 был посвящен теме «Ресурсы и инфраструктура устойчивого развития». Он начался с пленарной дискуссии **«Будущая индустриальная структура».**

За последние десятилетия ускоренное развитие широкого круга технологий создало возможность формирования на их базе нового поколения производств. Эти технологии позволяют осуществлять быстрое проектирование сложных изделий, обеспечивают быструю и незатратную адаптацию изделий к требованиям заказчиков, позволяют гибко менять параметры устройств и производить индивидуализированные образцы.

С учетом развития подобных технологий, подкрепленных ростом производительности труда, повышением мобильности решений энергетического и ресурсного обеспечения, сокращается размер производств и растет мобильность современных производств. Это вызовет множество сопутствующих проблем, в том числе — социальных и политических.

Обсуждались вопросы: Какие перспективы открывают данные технологии для традиционных отраслей промышленности?

Какие возможности создают данные технологии для новых отраслей, для развития малых инновационных производственных компаний?

Насколько применение подобных технологий изменит структуру производства, возвращая его в развитые страны с высокой стоимостью рабочей силы?

Какие программы и формы поддержки нужны для развития перспективных производственных технологий, обеспечения доступа к ним инновационным производственным компаниям? Какие вызовы для рынка труда создает распространение этих технологий?

Модератором дискуссии выступил председатель правления ОАО «РОСНАНО» *Анатолий Чубайс.*

Денис Мантуров, министр промышленности и торговли РФ, считает, что на данный момент одним из перспективных направлений развития являются индустриальные парки. За счет такой организации высокотехнологичного бизнеса страны с сырьевой экономикой привлекают в свои производства существенные инвестиции. При этом он особо подчеркнул, что это направление технологического развития было создано «снизу», самим бизнесом. В работе индустриальных парков, согласно словам министра, занят преимущественно средний бизнес, являющийся «основным драйвером экономики». В связи с этим в текущем году будет принята специальная подпрограмма поддержки индустриальных парков, предусматривающая налоговые преференции для только что созданных компаний. Министр также отметил, что

на данный момент в России ведут свою деятельность 36 индустриальных парков. Планируется открытие еще 80 в ближайшее время и 300 технопарков в течение следующих пяти лет.

По словам *Алексея Пономарева*, вице-президента Сколковского института науки и технологий, на данный момент новые индустриальные технологии (НИТ) также активно обсуждаются, как и нанотехнологии около 10 лет назад. Он считает, что современные возможности проектирования и изготовления материальных объектов делают возможным изготовление уникальных персонализированных вещей не в массовом, а в единичном производстве. Такие технологии, по его мнению, могут быть использованы и в промышленности, и в быту, и в науке.

Эско Ахо, председатель совета директоров *East Of-fice of Finnish Industries*, премьер-министр Финляндии (1991–1995 гг.), рассказал о международном опыте в области развития новых промышленных (цифровых) технологий, в том числе на примере компании *Nokia* Финляндии. При этом он особо отметил, что, по прогнозам, в результате внедрения новых технологий через 10–20 лет Финляндия потеряет до 50% рабочих мест.

Игорь Агамирзян, генеральный директор ОАО «РВК» говорил, что происходящая новая технологическая революция ликвидирует огромное количество массовых профессий, приведет к усугублению социально-экономической дифференциации общества, что в результате будет иметь глубокие социально-экономические последствия.

* * *

На четвертый день состоялась открытая дискуссия «**Контуры посткризисного мира**». С основным докладом выступил ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ *Владимир Мау*.

Назвав кризис 2007–2008 гг. системным, В. Мау сделал обзор «глобальных реформаций», которые этому предшествовали. «В 70-е гг. начался структурный кризис на Западе, темпы роста упали. Появился неизвестный раньше элемент экономической системы — стагфляция, — отметил он. — На протяжении 70-х западные страны трансформировали свои экономики к новым вызовам информатизации и технологического развития. В Советском Союзе в это время формировалась модель обмена продовольствия и оборудования для добычи нефти и газа на энергетические ресурсы». Российский кризис 90-х гг. происходит из последствий европейского кризиса: «Советская трансформация была структурным продолжением западной трансформации 80-х... Со второй половины 1999 г. начался экономический рост, у которого было три источника: макроэкономическая стабилизация, восстановительный рост, высокие цены на нефть с привязкой к бурному росту экономики на Западе... В моем понимании, ключевой институциональной задачей является переход от экономики спроса к экономике предложения. Экономика предложения — это экономика низкой инфляции, низких процентных ставок, устойчивых налогов».

В.А. Мау убежден, что «будущая промышленность становится все более интеллектуальной. Появляются технологии, в которых не обязательно конкурировать по труду — важна доступность потребителя и исследователей, разработчиков».

Академик *А.Г. Аганбегян* был озабочен: «Почему мы после умеренного роста 3–4% за год перешли к стагнации? Закономерное сокращение связано с тем, что силы, тянущие экономику вниз, превышают те, что тянут вверх».

Алексей Комиссаров заметил: «В нашей стране проблема состоит в том, что краткосрочные цели являются более приоритетными, чем долгосрочные». Увы, не только в нашей стране.

Обзор подготовлен по материалам сайтов Института Гайдара, АНХиГС, Фонда Гайдара. ■□■